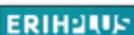

Минеева И. Н. Топос «Карьяла» в билингвальной поэзии А. Волкова / И. Н. Минеева, Т. В. Пашкова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 228—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-228-241.

Mineeva, I. N., Pashkova, T. V. (2020). Topos “Karjala” in Bilingual Poetry by A. Volkov. *Nauchnyi dialog*, 11: 228-241. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-228-241. (In Russ.).

УДК 821.161.1+821.511.111

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-228-241

ТОПОС «КАРЬЯЛА» В БИЛИНГВАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ А. ВОЛКОВА

© **Минеева Инна Николаевна (2020)**, orcid.org/0000-0001-9283-1239, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение «Петрозаводское президентское кадетское училище» (Петрозаводск, Россия), InnaV2003@yandex.ru.

© **Пашкова Татьяна Владимировна (2020)**, orcid.org/0000-0002-0505-4767, доктор исторических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), tvpashkova05@mail.ru.

В статье впервые представлены наблюдения над спецификой топоса «Карьяла» в творчестве билингвального поэта А. Волкова. Доказано, что в его сознании «Карьяла» ассоциируется с «родимой землей», памятью предков, родным языком, собственно ливвиковским счастьем. В русско- и карелоязычных стихотворениях воссозданные пространства «Карьялы» семантически сходны. Этот локус открыт (центр мироздания) и замкнут (окраина России) одновременно. Подобно археологу, автор обращается к осмыслению мифологической родословной «Карьялы», ее прародине, праязыка, архетипов национального сознания, тотемных знаков. Авторы установили, что билингвальный взгляд на мироздание позволил поэту по-новому концептуализировать и раскрыть в контексте мировой истории и культуры главные в быте и бытии ливвиковских карел понятия: родное наречие, память традиции, карельский генотип, ливвиковское счастье. Особое внимание уделяется анализу так называемых семантических «переходов» из одной этнической картины мира в другую (вспоминание трансформируется в плач, генезис родного языка как дар от Бога — в путь к Богу). В поэтической реконструкции топоса «Карьяла», выполненной А. Волковым, карельское мировидение — основополагающее, русский язык и литература — проводник в формировании самобытной поэтической традиции. В научный оборот впервые введены оригинальные стихотворения А. Волкова и их автoperеводы.

Ключевые слова: русскоязычная поэзия; карелоязычная поэзия; поэтический билингвизм; билингвальный поэт; Александр Волков; самоидентификация; топос; Карьяла; ливвиковский диалект карельского языка.

1. Введение

Известный философ В. А. Подорога подчеркивал, что «... человек неотделим от “своего” пространства» [Подорога, 1995, с. 263]. Для писателей-

билингвов пространство — основополагающая категория. Оно во многом определяет их идентификацию, специфику коммуникации с мирозданием, взаимодействия языков и культур в художественном тексте. По справедливому замечанию А. В. Кузнецовой, именно топос как одна из составляющих хронотопа позволяет «определить многообразные корреляции, существующие в рамках билингвального художественного текста» [Кузнецова, 2011, с. 87]. По своей природе он имеет универсальные характеристики, несет «этноспецифические доминанты, отражающие <...> значимые константы» [Кузнецова, 2015, с. 168]. В связи с этим актуальным является рассмотрение специфики билингвальной поэзии сквозь призму топоса.

В настоящее время хронотопическая система билингвальной — русско- и карелоязычной — поэзии практически не изучена. Между тем ее анализ позволит открыть новые факты в формировании этнической идентичности билингвального поэта А. Волкова, его этнонационального стиля, шире — истории региональной литературы на современном этапе ее развития.

Цель статьи — представить наблюдения над спецификой топоса «Карьяла» в творчестве А. Волкова, выбравшего в качестве поэтического одновременно русский и национальный, карельский (ливвиковское наречие), языки.

Методологической основой исследования послужили историко-литературный подход, метод подстрочного перевода, частотный анализ образов художественного пространства. Объект рассмотрения — сборники «Слово о ливах» (2004), «Вечный огонь. Iguine tuli» (2000) и «Земля Карелия» (2013). В двух последних одно и то же стихотворение написано параллельно на русском и карельском языках (ливвиковский диалект). Оба являются основными, но при этом они не смешиваются. На данный момент трудно определить, какой из них был первичен (оригинал) или вторичен (автоперевод), в силу отсутствия каких-либо сведений, подготовительных творческих материалов и т. д.

2. Историческое время и национально-культурная самоидентификация А. Волкова

Александр Лукич Волков (1928—2020) родился в деревне Эссойла Пряжинского района в карельской крестьянской семье. Его детство было омрачено «беспричинным расстрелом отца», а также «бомбежками и обстрелами» в период Советско-финляндской и Великой Отечественной войн [Волков, 2000, с. 4].

Стихи А. Волков начал сочинять на русском языке еще в школьные годы и впервые опубликовал их в газете «Ленинская правда» в 1959 году.

Между тем только с 1991 года, после выхода на пенсию, он посвятил себя литературе. Его перу принадлежат стихи на русском языке, но большинство его поэтических произведений написано на ливвиковском наречии карельского языка [Писатели Карелии, 2006, с. 12]. Сам поэт говорил о себе: «Я — карельский поэт, пишущий, в том числе, на русском языке» [Волков, 2010, с. 217]. Данный «переход» в творчестве от русского к родному языку связан и с тем, что писатели начинают осознавать свою национальную идентичность, чувствовать долг перед своим народом, а также предками в сохранении и развитии своей национальной культуры. С ростом этнического самосознания отмечается и рост интереса к национальной культуре и литературе, а также и их престиж [Алто, 1997, с. 11].

Первая книга А. Волкова «Маленькая Дессойла» (1993) пронизана чувством любви и благодарности к родному краю. В 1997 году вышел сборник стихов на ливвиковском наречии «Pieni Dessoila» («Маленькая Эссойла»), в которой автор с любовью описывает родные места, передает характеры своих земляков [Писатели Карелии, 2006, с. 13]. Известный карельский писатель, поэт и переводчик Армас Мишин так писал о творчестве А. Волкова: «Aleksandr Volkovin runoilla on yksi ominaisuus, joka antaa hänen tuotannolleen erikoisen sävyn: kaikki hänen runonsa ovat aiheeltaan sidoksissa tiettyyn paikkaan Karjalan maalla ja se paikka on Dessoila ...» («У стихов Александра Волкова есть одна особенность, которая придает его творчеству особый оттенок: все его стихи тематически привязаны к известному месту на карельской земле и это место — Эссойла ...») [Mišin, 1998, s. 98] (перевод автора. — *Т. П.*).

На протяжении всего творчества А. Волков обращался к проблемам исторической и культурной памяти. В первую очередь его интересовали вопросы, связанные с родовым древом олонечких карел, их прародиной и праязыком. В одной из своих поэм «Слово о ливах» автор выводит своеобразную мифологическую формулу происхождения своего народа. Согласно А. Волкову, возможным прародителем карел-ливвиков являются «ливы», проживавшие и проживающие на северо-западе Латвии. Прародиной он называет страну по имени «Ливли» [Волков, 2004, с. 17—18].

В концепции А. Волкова акцент сделан на том, что в силу исторических обстоятельств карелы-ливвики были оторваны от своих корней. «Кто нам перегрыз пуповину <...> в забытую ныне годину?», — постоянно и с болью вопрошает автор [Там же, с. 170]. При этом А. Волков неоднократно подчеркивает вынужденное изгнаничество предков с прибалтийских земель, что в свою очередь обусловило их дальнейшие трагические испытания — быть гонимыми и непонятыми (*И к нашим корням*

год от года / грубее земная кора). Несмотря на то что карельский народ лишился своей прародины, она являет им себя на уровне генетической памяти. Поэт не раз замечает, что по ночам они слышат «Ливли далекие вздохи», а «сплохи лапландских сияний» «балтийской мерцают волной» [Там же, с. 18]. Олонецкие карелы унаследовали от Ливли «генотип». Основные его черты проявляются как во внешней их характеристике, повседневном образе жизни, специфике общения с природой, так и в фольклоре и ливвиковском диалекте. Назовем некоторые из них: «по-волчьи поджары, как встарь», «мы песчинками иссечены», «но кудри, как прежде, льняны», «рогожею горницы трем, чтоб вечно сосновые стены отсвечивали янтарем», «бросаем зерно на угоре, как в дальние те времена», «рыболовные сети ведь “риндой” по-ливски зовем», «в сердцах наших говоры близки», «звучат продолжением ливских напевы отеческих рун» [Там же, с. 19—20].

Характеризуя свою гипотетическую прародину, А Волков отмечает географическую, ландшафтную общность между Ливли и Карьяла: *Вам Ливли Отчизна доньне / нам Карьяла стала родной* [Там же, с. 21]. После долгих скитаний олонецкие карелы обрели новую родину: «бросил на здешние камни / пожитки из беглых ладей», «могучие воды / сквозь горы несли на плечах» [Там же, с. 22].

По мнению поэта, у карел-ливвиков есть свои тотемы. Как правило, они связаны со стихией воды. Среди них он особо выделяет «переливы» «соленой волны» и «крыло» «летающей» чайки, рыбу и морошку [Там же, с. 23]. Подобная архетипическая энергия объясняет, почему олонецким карелам «по сердцу сильные реки», «родная озерная гладь», «мы, словно чайки» [Там же, с. 23—24]. Среди «лучших» «родичей» своего народа поэт выделяет «вепсов» [Там же].

Онтологические и аксиологические координаты поэзии А. Волкова отражают некоторые обозначенные выше факты как его личной биографии, так и трагической истории карельского народа.

3. Субъективность лирического героя

В поэзии А. Волкова лирический герой — билингв. Этнически он принадлежит к карельской культуре и наделен свойствами «толмача», переводчика с русскоязычной картины мира на карелоязычную и наоборот, является носителем родовых знаний. При этом он описывает мир карельских ливвиков с точки зрения двух перспектив: изнутри и извне, со стороны в контексте мировой истории и культуры. Между тем для лирического героя не свойственна какая-либо двойственность, разорванность или о(т)

страненность. Напротив, его взгляд на карельскую ойкумену цельный, глубокий, скрупулезный. Лирический герой участлив к судьбе своего народа и родной культуры.

4. Топос «Карьяла»

Топос «Карьяла» — постоянный ценностно-смысловой компонент в поэзии А. Волкова. Он встречается практически в каждом его стихотворении. Топос «Карьяла» отличается многосоставностью и многозначностью. Анализ стихотворений позволил нам выявить следующий комплекс его значений, а именно: «родимая земля»; предки; ливвиковское наречие карельского языка; культурные артефакты (ливвиковское счастье). В представленных ниже наблюдениях специфика топоса «Карьяла» рассматривается в русско- и карелоязычной поэзии как целостный текст.

4.1. «КАРЬЯЛА» КАК «РОДИМАЯ ЗЕМЛЯ»

Русскоязычный дискурс. В онтологических и аксиологических координатах лирического героя топос «Карьяла» характеризуется как замкнутый в себе мир. При этом его хронотоп описывается в категориях так называемой «двойной географии». В персональном землеописании лирического героя «Карьяла» — это и центр Вселенной, и край света одновременно. Причем та или иная «геолокация» обладает только ей свойственными приметами. Они «мерцают», дополняют друг друга. Первая обладает такими чертами, как широкое «раздолье», «безбрежность», «величие», «красота» («ей <...> на планете нет места иного», «ты и близкая, ты и безбрежная», «до боли родная»), вторая — отдаленность от центра России, закрытость («в дали далекой от Кремля / окраина России») [Волков, 2000, с. 3, 8].

В подобной двойственности заключается тайна и загадочность бытия северной ойкумены, суть которого может открыть и постичь только «карельский народ». Не случайно в стихотворениях постоянно подчеркивается его «избранность» («непонятная, очень чудная») и особое восприятие мира, его цветовых спектров, запахов, форм и пр.: «голубая, зеленая, нежная» [Там же, с. 8]. Моделируя мир «Карьялы», лирический герой акцентирует особое внимание на трагической судьбе олонецких ливвиков. Для него это непродоходящая боль. Земля северного народа «полита и потом, и кровью» [Волков, 2013, с. 253].

Миссия ливвиковских карел состоит в том, чтобы «восславить» «родимую землю», «молиться» за ее процветание («помоги ей, о Господи Боже», «выйду к церкви поклонюсь / за Отчизну помолюсь», «Прислушайтесь, люди! Мы живы! И наша надежда жива!») [Там же], ведь *родимая земля* — «лучшее» слово «в сердце» [Там же].

КАРЕЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС. По сравнению с русскоязычным поэтическим пространством в карелоязычном значительно усилен мотив трагической истории Карьялы как «родимой земли». Пережив не одну лихую годину, «годы ненастья» (*Karjala, kuunnälii omal mual lasket / Карелия, слезы по своей земле ты пускаешь*), когда *Karjalan kaššalis — ruozme da agan / В карельском кошеле — ржавчина и пелёва*, карелы-ливвики с возрастающим в душе смятением вновь и вновь вопрошают: *Kunnebo lähtet, Karjala? / Куда ты пойдешь, Карелия?*; *Voimmogo kerran vie kohota oppie? / Могли бы мы еще раз подняться попробовать?* От познанного горя родовой истории сердце лирического героя наполняется *verine tusku» / кровавой тоской*, время, в которое он живет, называет — *mustu / черное* [Волков, 2000, с. 22—23]. Карелоязычное пространство переполнено горем, утратами и безысходностью.

4.2. Предки «Карьялы»

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС. У карельского народа сильна память предков. Чаще всего она материализуется у А. Волкова в образе «дедова» и «отцова» дома как средоточия родовой силы, хранителя чувств, эмоций нескольких поколений: *Погляжу на дедов дом / Вспомню смех и слезы в нем // Где отцов и дедов силы? Свято их хранят могилы* [Там же, с. 6]. Пространство «Карьялы» наполнено теплом любви предков, их заботой. Показателен в этом плане образ «маминоного пирога» в одноименном стихотворении, символизирующего уют «родной земли». Именно он противопоставляется лирическим героем «чужой», «холодной» земле, где «не греют шелка и ни шубы», «горек хлеб», потому что «не от сердца», от «чужих» [Там же, с. 14].

КАРЕЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС. В карелоязычном дискурсе трактовка темы памяти в целом сохраняется. Однако есть одна важная на содержательном уровне «замена». В отличие от русскоязычного пространства, в карелоязычном мотив памяти трансформируется в мотив внеобрядового «плача», «причитания» — в любое время вспоминать / поминать предков «вголос», устанавливать коммуникацию со своими близкими с помощью языка «причести», выражать собственные переживания [Карельские причитания, 1976, с. 123]: *«Pihal tuatan pertin luo / На улице около комнаты отца / Kačon viilah, virzii luon / Я смотрю на дом, плач начну // — Kusbo virzineruo ečit? / — Где же умение причитать ты ищешь? // — Tuatan kaltoil, died'on mečis / — На могиле отца, в лесах деда* [Волков, 2000, с. 7]. Подобная метаморфоза имплицитно усиливает глубину осмысления олонечскими карелами памяти своего рода, наделяет его сакральным смыслом. Воспоминание / поминание (о) предках(ов) должно быть символизировано и вербализовано в соответствующих традиционных формулах, переданных по «наследству» лирическому герою.

4.3. Язык «Карьялы»

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС. В сознании олонецких карел язык наделяется сакральным значением. Лирический герой просит не называть его «наречьем» или «говором», поскольку «жизнь сама невозможна без слова» [Там же, с. 10]. С помощью него создается своеобразная действительность, в которой живет северный человек. Дефинициями сакрального являются у А. Волкова как религиозная, так и ландшафтная / природная лексика. Семантика подобных единиц характеризуется «синкретизмом», что объясняется связью дохристианских и христианских начал в мироощущении карельского народа. С одной стороны, ливвиковское наречие карельского языка — «от Бога», оно олицетворяет собой «дорогу» к молитве [Там же, с. 6], «ангела хранителя», «диво разума», «чудо творца», «свечу» [Там же, с. 10, 67], с другой — «от природы», оно ассоциируется с «солнцем света» как праосновой жизни, «звездой над дорогой» [Там же, с. 10]. В стихотворениях лирический герой фиксирует также охранительную и терапевтическую функцию ливвиковского говора карельского языка. Он неоднократно именуется «хранителем» «Родины», «наших имен», «исцелителем» от «лихих напастей» [Там же, с. 10]. С помощью него создаются такие «смысловые узоры жизни», «смысловые связи» [Шаховский, 2007, с. 43], которые способны излечить людей от национальной травмы.

Кроме того, лирический герой описывает силу, глубину и неисчерпаемый творческий потенциал ливвиковского говора карельского языка. По своей природе он диалогичен, гибок и легок, способен к восприятию иной ценностной системы, поэтому в ходе истории стал посредником между карельской и русской культурами, в частности, литературой XIX и XX столетий: *Наш язык — чудеса творит // Звучит Державин на карельском / Сам Пушкин с нами говорит <...> И оживут в душе карела / Есенин, Блок и Гумилев // Пока свеча не догорела / на всех в карельском / хватит слов* [Там же, с. 67].

Еще одна ипостась ливвиковского наречия карельского языка, которая со всей нарастающей тревожностью раскрывается в стихотворениях А. Волкова, — это его тяжелая судьба в XX веке.

Известно, что с 1980-х годов коренные народы Республики Карелии — карелы и вепсы — начинают свое национальное возрождение. Этот процесс связан в первую очередь с восстановлением письменности, возобновлением издательской деятельности на карельском и вепском языках и их преподаванием. Однако как карельский народ, имеющий государственность с 1920 года, остался «бесписьменным» до времен перестройки? [Строгальщикова, 1992, с. 4]. В 1921 году на втором съезде Советов было принято решение ввести культурную и просветительскую деятельность

среди карельского населения на финском и русском языках. Это было связано с отсутствием карельской письменности, наличием трех наречий и, как следствие, невозможностью создания единой карельской литературной нормы [Там же, с. 10]. Именно поэтому «... в качестве якобы объединяющего все диалекты карельского языка письменным и литературным языком был признан финский язык» [Клементьев, 1992, с. 115]. В северной Карелии преподавание велось на финском языке, у карелов-ливвиков и карелов-людиков — на русском.

В 1937 году было принято решение о создании единого карельского языка. На основе русской графики разработали и утвердили алфавит, началась подготовка учебников и преподавательских кадров. Однако искусственно разработанный единый язык, созданный путем смешения всех наречий, был непонятен большинству населения, в итоге и не принят. На долгие десятилетия вопрос о возрождении карельской письменности был закрыт [Там же, с. 117].

С 1950-х годов процесс русификации стал развиваться еще интенсивнее. Языки коренных народов подверглись сильному влиянию русского языка, в школах прекратилось преподавание на родных (в данном случае — карельском) языках. Вместе с этим возникла своеобразная диглоссия: в быту карелами использовался карельский язык, в общественной жизни — русский [Пустаи, 2014, с. 32].

О необходимости возрождения языков карелов и вепсов заговорили вновь только в конце 1986—1987 годов. В Республике Карелия всегда велась «борьба за язык». Поэт А. Волков считал, что именно финский язык способствовал «отвержению» карельского языка и мешал его развитию [Чикина, 2016, с. 6].

В секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН хранятся оригиналы документов 1930-х годов, в которых говорится о деятельности лингвистов, связывавших свою научную и практическую деятельность с карельским языком [Нагурная, 2015, с. 260]. Один их них — доклад Д. В. Бубриха, где он впервые рассуждает не только о лингвистических экспедициях, но и о возможности создания единого литературного карельского языка; см., например: [см. Бубрих, 1930; Бубрих, 1937]. К подобному же решению пришел и поэт А. Волков: «... пока не будет единого письменного языка, никакой парламент не примет закона о его государственном статусе ...» [Волков, 2013, с. 210]. В случае отказа от пользования родным языком укрепляются позиции русского языка. Он начинает доминировать.

Воссоздавая топос «Карьяла», А. Волков часто обращается к ретроспективным событиям с целью подчеркнуть приходящую «извне» опасность разру-

шения рожденного в столетиях мудрого языка. В связи с этим в авторской трактовке олонекский диалект становится символом народа, который, по мнению поэта, уничтожался на протяжении всей его истории. Так, в одном из показательных в этом плане стихотворений «Оставьте наш язык» реконструируется оппозиция «жизнь — смерть», порождающая образный и фактологический ассоциативный ряд и вместе с тем раскрывающая специфику самоидентификации ливвиковских карел. Сопоставим эти два плана [Волков, 2000, с. 12]:

«Жизнь» ливвиков «внутри» ойкумены:	«Смерть» ливвиков «извне»:
<ul style="list-style-type: none"> — «пока еще мы есть на свете», — «у нас есть и разум, и руки», — «жизнью горят наши лики / и души черствее не стали», — «нам чужды обиды и мщенье». 	<ul style="list-style-type: none"> — «деревни раз сорок горели / от шведов, от русских, от финнов», — «исчерпан лимит наш на муки», — «среди миллионов “Великих” нас тысячи только остались».

Стихотворение пронизано отчаянными призывами лирического героя сохранить уникальный менталитет «малого народа»: «в глаза посмотрите карелам», «не проходите же мимо!», «не дайте стереться с планеты», «услышите наш голос», «оставьте язык наш за нами» [Там же, с. 12]. Завет карела — язык, что «мать тебе дала / как имя донести до смерти» и передать его «детям, внукам своим» как «высший дар бессмертный» [Там же, с. 18].

Карелоязычный дискурс. В карелоязычном пространстве значение понятия «язык» и представление о его роли в целом остаются неизменными. Между тем в связи с родным наречием поэт больше акцентирует внимание на том, что, лишившись языка, человек утрачивает способность мыслить, а значит — жить: *Ilmai kielettäh kuolou miän mieli* (Без языка умирает наш разум)¹ [Там же, с. 11]. Если в русскоязычном дискурсе для лирического героя олонекский говор «от Бога», то в карелоязычном он, напротив, олицетворяет собой путь «к Богу»: *Kieiel puutummo jumalan pieleh* (Языком мы попадаем к Богу) [Там же, с. 11]. Сосуществующие в его сознании разные «проекции» в осмыслении происхождения ливвиковского диалекта — от мира горнего к земному (язык как послание Бога) и от земного к горнему (язык как путь к Богу) — не противоречат друг другу. Напротив, таким образом формируется более цельное и глубинное понимание природы олонекского наречия, шире — истории народа. Согласно видению лирического героя, карелы получили дар языка «от Бога вместе с бытием» и «дополнили» его от себя [Св. Филарет Московский ..., 2004, с. 113, 167]. Вместе

1 В этом предложении двойное усиление с помощью предлога «без» и падежная форма от слова язык — тоже дает форму без языка.

с тем проживание подобного бытия, его духовное подкрепление обращается для ливвиковских карел богопознанием, а именно: проявлением любви к мирозданию и веры.

4.4. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ «КАРЬЯЛЫ» — ЛИВВИКОВСКОЕ СЧАСТЬЕ

Русскоязычный дискурс. В картине мира лирического героя отражается родовое представление о таком антропологическом понятии, как ливвиковское счастье. У олонецких карел оно имеет свои «руны» — «летом в волнах, в стужу — в насте» [Волков, 2000, с. 6]. Счастье для ливвиков — жить в согласии с чередованием этих «рун», оказаться в нужном месте-времени в зависимости от сезона, быть соучастником подобных изменений. Лето и зима — «поворотные» точки в жизни олонецких карел. Их ментальность отражает идею цикличности и в то же время «движения». У каждой из «рун» есть свои маркеры — «волны» и «наст». Карелы-ливвики сведущи в их тайных знаках. Они понимают окружающий мир. Благодаря этому топос «Карьяла» подвижен, динамичен и гармоничен. Он насыщен сакральными, только ливвикам понятными ритмами. Язык природы и язык олончан созвучны друг другу. Поэтому жизнь карел природосообразна. Смена «рун» — основа их благополучия. Оно ассоциируется у лирического героя в первую очередь с ветром, плодovitостью рек, озер и леса. Он преклоняется перед ними. В данном контексте вводятся символические для топоса «Карьяла» природные артефакты, трансформирующиеся в иконические знаки: ветер, рыба и северная ягода морошка (*пусть ... свежей рыбою полнятся сети / а болотные кочки — морошкой*). Это своеобразная праоснова бытия олонецких карел [Там же, с. 253].

Карелоязычный дискурс. В карелоязычном дискурсе антропологическая категория «ливвиковское счастье» по своему значению идентична русскоязычному: — *Kusbo lövvät runolangua?* / — *Где же ты находишь нить руны?* — *Kezäl allos, talvel — hangel* / — *Летом в волне, зимой — на снежном покрове* [Там же, с. 7].

5. Заключение

Творчество билингва А. Волкова — это своеобразный «духовный» обмен между русской и карельской культурами, в ходе которого раскрывается своеобразие одного из главных и многозначных в менталитете олонецких карел топосов «Карьяла». Проводником между культурами является лирический герой-билингв, наделенный разными типами этномышления. В лирике А. Волкова русско- и карелоязычное пространство «Карьялы» практически совпадают друг с другом. Это мир закрытый и открытый одновременно со своей мифологической родословной, гипотетической прародиной, праязыком, тотемами и знаками. Билингвизм позволил поэту по-новому концеп-

туализировать важные в бытии ливвиков понятия: язык, память, генотип, счастье. В связи с этим в стихотворениях, параллельно написанных на русском и карельском языках, наблюдается постоянное обращение лирического героя к национальной системе олонецких карел: сакральность наречия, его потенциал, диалогичность, свойственная ливвикам «острая» память предков, ритмы природы и их значимость в организации быта и бытия. В отличие от русскоязычного дискурса, в карелоязычном усилен мотив трагизма судьбы олончан, их избранность и в то же время непонятость и неприятие «большими» этносами. В процессе осмысления понятия «память» происходит семантический «переход» из одной национальной системы в другую (вспоминание предков трансформируется в поминальный плач). Переключение «кода» наблюдается и в осмыслении генезиса ливвиковского наречия (дар от Бога — путь к Богу оборачивается богопознанием). Подобные поликодирования, «наложения» и маркировки позволили поэту создать картину этнической идентичности «малого» народа, архетипы национального сознания, собственно ливвиковское видение мира, взаимно дополнить русско- и карелоязычный мир в контексте мировой истории и культуры. Как убеждает выполненный анализ, в реконструкции топоса «Карьяла» ментальное (карельское) мировидение является основополагающим, русский язык и литература стали связующими звеньями и опорой для формирования региональной поэтической традиции.

Источники

1. *Волков А.* Земля Карелия : [стихи] / А. Волков ; [текст парал. рус., карел.]. — Петрозаводск: Острова, 2013. — 79 с.
2. *Волков А.* Слово о ливах : [стихи] / А. Волков ; [текст карел., рус., лив., эстон., фин., коми]. — Petroskoi: Periodika, 2004. — 23 с.
3. *Волков А.* Вечный огонь. Iguine tuli : [стихи] / А. Волков. — Петрозаводск : Петродика, 2000. — 102 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алто Э. А.* Финноязычная литература Карелии / Е. А. Алто // История литературы Карелии : В 3 т. — Санкт-Петербург : «Наука», 1997. — Т. 2. — 245 с.
2. *Бубрих В. Д.* Грамматика карельского языка (фонетика и морфология) / В. Д. Бубрих. — Петрозаводск : Карельский научно-исследовательский институт культуры, 1937. — 78 с.
3. *Бубрих В. Д.* Карелы и карельский язык / В. Д. Бубрих. — Москва : Издательство Мособлисполкома, 1932. — 38 с.
4. *Волков А. Л.* У истоков родной речи : Сямозерцы — информаторы и ассистенты финских лингвистов и финские ученые-создатели «Большого словаря карельского языка» / А. Л. Волков // Север. — 2013. — № 5/6. — С. 208—210.

5. *Волков А.* Моя главная задача — сохранение карельского языка / А. Волков, В. Слепаков // Север. — 2010. — № 5/6. — С. 216—218.
6. *Карельские* причитания / издание подготовлено А. С. Степанова, Т. А. Коски. — Петрозаводск, 1976. — 535 с.
7. *Клементьев Е. И.* Языковая ситуация в Карелии : состояние, тенденции развития / Е. И. Клементьев // Материалы к серии «Народы и культуры». Карелы. Финны. — Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 1992. — Выпуск XVI. — С. 112—125.
8. *Кузнецова А. В.* Семантический и коммуникативно-прагматический потенциал топоса в билингвальном художественном тексте / А. В. Кузнецова // Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты. — Сочи : СГУТ и КД, 2011. — С. 81—87.
9. *Кузнецова А. В.* Когнитивный потенциал топоса в билингвальном художественном тексте / А. В. Кузнецова // Когнитивные исследования языка. — Тамбов : Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2015. — Выпуск 22. — С. 168—173. ISBN 978-5-94777-385-9.
10. *Нагурная С. В.* Роль Д. В. Бубриха в создании единого карельского языка / С. В. Нагурная // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения : Гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1—2 октября 2015 г. — Петрозаводск : [б. и.], 2015. — С. 259—267.
11. *Писатели* Карелии / составитель Ю. И. Дюжев. — Петрозаводск : Острова, 2006. — 304 с.
12. *Подорога В. А.* Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии : С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка / В. А. Подорога. — Москва : Ad Marginem, 1995. — 427 с. ISBN 5-88059-007-0.
13. *Пустай Я.* Двуязычие — переход к новому одноязычию? / Я. Пустай // Родной язык в современных условиях двуязычия : сборник статей. — Сыктывкар : Кола, 2014. — С. 32—33.
14. *Строгальщикова З. И.* Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов / З. И. Строгальщикова // Материалы к серии «Народы и культуры». Карелы. Финны. Выпуск XVI. — Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 1992. — С. 4—16.
15. *Святитель* Филарет Московский (Дроздов). Толкование на Книгу Бытия / Святитель Филарет Московский (Дроздов). — Москва : Русский хронограф, 2004. — 831 с. ISBN 5-85134-034-7.
16. *Чикина Н. В.* Проблемы карелоязычной литературы и творчество Владимира Брендоева : монография / Н. В. Чикина. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2016. — Ч. 1. — 102 с.
17. *Шаховский В. И.* Унижение языком в контексте современного коммуникативного пространства / В. И. Шаховский // Мир русского слова. — 2007. — № 1—2. — С. 40—45.
18. *Mišin A.* Dessoilu sydämessä / A. Mišin // Carelia. — 1998. — № 12. — С. 98—99.

ТОПОС “KARJALA” IN BILINGUAL POETRY BY A. VOLKOV

© **Inna N. Mineeva (2020)**, orcid.org/0000-0001-9283-1239, PhD in Philology, Associate Professor, Petrozavodsk Presidential Cadet School (Petrozavodsk, Russia), InnaV2003@yandex.ru.

© **Tatyana V. Pashkova (2020)**, orcid.org/0000-0002-0505-4767, Doctor of History, Professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (Petrozavodsk, Russia), typashkova05@mail.ru.

The observations on the specifics of the Karjala topos in the works of the bilingual poet A. Volkov is for the first time presented in the article. It has been proved that in his mind “Karjala” is associated with “native land”, the memory of ancestors, native language, Livvik’s happiness itself. In Russian and Karelian-language poems, the recreated spaces of “Karjala” are semantically similar. This locus is open (the center of the universe) and closed (the outskirts of Russia) at the same time. Like an archeologist, the author turns to the understanding of the mythological genealogy of “Karjala”, its ancestral homeland, proto-language, archetypes of national consciousness, totem signs. The authors found that the bilingual view of the universe allowed the poet to conceptualize in a new way and reveal, in the context of world history and culture, the main concepts in the life of Livvik Karelians: native dialect, memory of tradition, Karelian genotype, Livvik happiness. Particular attention is paid to the analysis of the so-called semantic “transitions” from one ethnic picture of the world to another (remembering is transformed into crying, the genesis of the native language as a gift from God — into the path to God). In the poetic reconstruction of the Karjala topos by A. Volkov, the Karelian worldview is fundamental, the Russian language and literature is a guide in the formation of an original poetic tradition. For the first time, the original poems of A. Volkov and their auto-translations were introduced into scientific circulation.

Key words: Russian-language poetry; Karelian poetry; poetic bilingualism; bilingual poet; Alexander Volkov; self-identification; topos; Karjala; Livvik dialect of the Karelian language.

MATERIAL RESOURCES

- Volkov, A. (2000). *Vechnyy ogon'. Iguine tuli* [Eternal flame]. Petrozavodsk: Periodika. 102 p. (In Russ.).
- Volkov, A. (2004). *Slovo o livakh* [The Legend of the “Livs”]. Petroskoi: Periodika. 23 p. (In Russ. In Karel. In Livvik. In Fin. In Eston. In Komi).
- Volkov, A. (2013). *Zemlya Kareliya* [Land of Karelia]. Petrozavodsk: Ostrova. 79 p. (In Russ. In Karel.).

REFERENCES

- Alto, E. A. (1997). Finnoyazychnaya literatura Karelii [Finno-Language literature of Karelia]. *Istoriya literatury Karelii* [History of Karelian literature], 3 (2). Sankt-Peterburg: «Nauka». 245p. (In Russ.).
- Bubrikh, V. D. (1932). *Karely i karelskiy yazyk* [Karelian and Karelian language]. Moskva: Izdatelstvo Mosoblispolkoma. 38 p. (In Russ.).
- Bubrikh, V. D. (1937). *Grammatika karelskogo yazyka (fonetika i morfologiya)* [Grammar of the Karelian language (phonetics and morphology)]. Petrozavodsk: Karelskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kultury. 78 p. (In Russ.).
- Chikina, N. V. (2016). *Problemy kareloyazychnoy literatury i tvorchestvo Vladimira Brendoyeva: monografiya* [Problems of Karelian literature and creativity of Vladimir brandoev. Monograph], 1. Petrozavodsk: PetrGU. 102 p. (In Russ.).
- Karelskiye prichitaniya* [Karelian lamentations]. (1976). Petrozavodsk. 535 p. (In Russ.).
- Klementyev, E. I. (1992). Yazykovaya situatsiya v Karelii: sostoyaniye, tendentsii razvitiya [Language situation in Karelia: state and development trends]. In: *Materialy k serii «Naro-*

- dy i kultury»*. Karely. Finny [Materials for the series “Peoples and cultures”. Karelians. Finns], XVI. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN. 112—125. (In Russ.).
- Kuznetsova, A. V. (2011). Semanticheskii i kommunikativno-pragmaticheskii potentsial toposa v bilingvalnom khudozhestvennom tekste [Semantic and communicative-pragmatic potential of topos in a bilingual artistic text]. In: *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* [Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects]. Sochi: SGUT i KD. 81—87. (In Russ.).
- Kuznetsova, A. V. (2015). Kognitivnyy potentsial toposa v bilingvalnom khudozhestvennom tekste [Cognitive potential of topos in a bilingual literary text]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 22. Tambov: Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov. 168—173. ISBN 978-5-94777-385-9. (In Russ.).
- Mišin, A. (1998). Dessoilu sydämässä. *Carelia*, 12: 98—99. (In Fin.).
- Nagurnaya, S. V. (2015). Rol’ D. V. Bubrikha v sozdanii yedinogo karelskogo yazyka [The Role of D. V. Bubrikh in creating a unified Karelian language]. In: *Materialy nauchnoy konferentsii «Bubrikhovskiy chteniya: Gumanitarnyye nauki na Evropeyskom Severe* [Materials of scientific conference “Bubrikovskiy of reading: the Humanities in the European North”]. Petrozavodsk : [b. i.]. 259—267. (In Russ.).
- Pisateli Karelii* [Writers of Karelia]. (2006). Petrozavodsk: Ostrova. 304 p. (In Russ.).
- Podoroga, V. A. (1995). *Yvrazheniye i smysl. Landshaftnyye miry filosofii: S. Kirkegor, F. Nitsshe, M. Khaydegger, M. Prust, F. Kafka* [Expression and meaning. Landscape worlds of philosophy: S. Kierkegaard, F. Nietzsche, M. Heidegger, M. Proust, F. Kafka]. Moskva: Ad Marginem. 427 p. ISBN 5-88059-007-0. (In Russ.).
- Pustai, Ya. (2014). Dvuyazychiye — perekhod k novomu odnoyazychiyu? [Bilingualism-transition to a new monolingualism?]. In: *Rodnoy yazyk v sovremennykh usloviyakh dvuyazychiya: sbornik statey* [Native language in modern conditions of bilingualism: collection of articles]. Syktyvkar: Kola. 32—33. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2007). Unizheniye yazykom v kontekste sovremennogo kommunikativnogo prostranstva [Humiliation by language in the context of modern communicative space]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian word], 1—2. 40—45. (In Russ.).
- Strogalschikova, Z. I. (1992). Yazykovaya politika v Karelii i sudba korennykh narodov [Language policy in Karelia and the fate of indigenous peoples]. In: *Materialy k serii «Narody i kultury»*. Karely. Finny [Materials for the series “Peoples and cultures”. Karelians. Finns], XVI. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN. 4—16. (In Russ.).
- Svyatitel’ Filaret Moskovskiy (Drozdov). (2004). *Tolkovaniye na Knigu Bytiya* [Interpretation on the Book of Genesis]. Moskva: Russkiy khronograf. 831 p. ISBN 5-85134-034-7. (In Russ.).
- Volkov, A. L. (2013). U istokov rodnoy rechi: Syamozertsy — informatory i assistenty finskikh lingvistov i finskiye uchenyye-sozdateli «Bolshogo slovarya karelskogo yazyka» [At the origins of native speech: Syamozertsy-informants and assistants of Finnish linguists and Finnish scientists-creators of the “Big dictionary of the Karelian language”]. *Sever* [Sever], 5/6. 208—210. (In Russ.).
- Volkov, A., Slepakov, V. (2010). Moya glavnaya zadacha — sokhraneniye karelskogo yazyka [My main task is to preserve the Karelian language]. *Sever* [Sever], 5/6. 216—218. (In Russ.).